

ЭКОМЕН

Б. САВИНКОВ ПЕРЕД ПРОЛЕТАРСКИМ СУДОМ.

Бывший террорист и участник большинства контр-революционных выступлений против Советской власти Б. Савинков 27 августа предстал перед военной коллегией Верховного Трибунала. Савинков призывал всех своих соратников подчиниться Советской власти.

Фот. Б. Е. Гаустянского и А. Э. Штеренберга.

Вручение греческим посланником г. Маврудисом почетных грамот председателю ЦИК СССР М. И. Калинин 23 августа 1924 г.
Слева направо стоят: нарк. министр Г. В. Червин (в руках у него почетная грамота), председатель ЦИК СССР М. И. Калинин и греческий посланник г. Маврудис.

ДУРАЧЕК

Рассказ Владимира Василенко.

1.

— Бабушка Игнатовна, а где они живут?

— Тут и живут, дурачек. На храме. Где же ей жить еще, птице божией.

— А зимою?

— А зимою которые здесь остаются, а которые улетают в святые места.

— А где это... святые места?

Бабушка Игнатовна ответила не сразу. Она посмотрела на Сидорку своими странно-живыми глазами, черневшими, как две изюминки в тесте, на ее морщинистом, посеревшем от старости лице. И, как бы убедившись, что мальчонка спрашивает серьезно, а не просто вдурь головы сказала:

— На восток все больше отседова, тама, где солнцу восход, тама и есть святые места... Нонешней весной прилетает это один, прямо ко мне на плечо. Гляжу я, а у него в носе щепочка—кипарисового древа кусочек. Только и растет это древо, что в святых местах. Птица-то не человек, добро помнит. Я ему кружки гречневой, а он мне гостинчику—святого древа.

И она опустила руку в большой холщевый мешок-карман, достала оттуда горсть гречихи и бросила голубям. Те, что ходили поближе, на мгновение взлетели, наугадные резким движением ее руки, но тотчас же сели снова и набросились на корм.

— А голуби тоже святые?—снова задал вопрос Сидорка.

— А то как же... И в писании сказано: дух святой в виде голубине...

Сидорке Белову это хорошо известно. В больнице, где отец его служит сторожем, еще совсем недавно в мертвецкой висела в углу икона. Старый сердитый бог-отец, с белой, как из ваты, взлохмаченной бородой, уперся в поручни высокого трона, стоящего на облаках; справа от него худощавый, смуглый бог-сын, в пастушьей одежде, а сверху—дух святой, белый голубь с распростертыми крыльями и раскрытым, как веер, хвостом. Когда в больнице кто-нибудь умирал, его относили в мертвецкую. Сидоркин отец на тряской больничной телеге ехал в город, за две

версты, и привозил оттуда пшена и псаломщика. Поп неторопливо отпевал покойника, а Сидорка стоял с отцом у дверей и смотрел, как вьется из кадилыницы душистый дымок, как постепенно он наполняет комнату клубящимися сизовато-белыми облаками. Легкий летний ветер, врывающийся в открытое окно, волнует

цы. Вот, несколько в стороне от других, ходит крупный белый голубь-самец. Его ноги, как в панталонах, поросли перьями; глаза обрамлены красными жгутами; голова мягко зыблется на пышной округлой шее; красные пупырышки украшают его переносицу. Голубь собирает гречиху короткими верными ударами клю-

ЗАСЕДАНИЕ ОДВФ

Фот. С. Тулеса.

Заседание ОДВФ под председательством А. И. Рыкова.

и гонит эти облака, они плывут, а вместе с ними плывет и маленький понок, и длинный басовитый псаломщик, и гроб с мертвецом, и икона, и Сидорке кажется, что голубь на ней шевелит крыльями, а ветер раздувает белые перья его хвоста.

— Белов!—возвращает Сидорку к действительности чей-то окрик.

Сидорка поднимает глаза и видит Петю Курдюмова. Петя в парусиновых трусиках и такой же блузе с открытым воротом, из-под которого спереди висят ушастые концы, а сзади виднеется треугольник красного пионерского шарфа.

— Пойдем!—говорит Петя Курдюмов.—Охота тебе тут сидеть. Голубей не видал? Пойдем к нам, за город, в лагерь. Хорошо-о!..

Сидорка отрицательно качает головой. Он никуда не уйдет с этой площади, от бабушки Игнатовны и, главное, от голубей. Ему нравится сидеть здесь, на ступеньках храма, и следить, как весело суетятся на мостовой красивые, жадные к корму пти-

ва. Как легко и красиво мелкими шажками движется птица! Нет, Сидорка никуда не уйдет отсюда.

Петя Курдюмов пожимает плечами и идет дальше. Бабушка Игнатовна возмущает ему в спину полный ненависти и презрения взор.

— Пионер!—злобно шипит она.—Большевицкое отродье! Не ходи, дурачек, с ними. Паучат они тебя на собак брехать. Волнуясь и сердито двигая плечами, она раз и другой достает из кармана крупы и бросает птицам. Голуби сбиваются теснее. Красавец-самец шумно взлетает и тотчас же падает в самую середину стаи. Он дерзко расталкивает других голубей, издавая сердитые рокочущие звуки, и быстро, быстро собирает крупы... Глаза и сердце Сидорки Белого там, с этим голубем. Ах, если бы бабушка Игнатовна позволила поймать его, взять в руки. Но нет, самая мысль об этом кажется Сидорке кошмаром. Он боязливо косится в сторону бабушки: не догадалась ли она, о чем он мечтает. Но бабушка Игнатовна сидит спокойно; голова ее ушла в плечи, черный монашеский платок сполз на глаза...

II.

Когда утром, по обычаю своему, Сидорка Белов снова пришел на площадь, было совсем рано. Золотые струи солнечного света мягко лились на мостовую, сверкающим дождем дробились в окнах домов и жарко горели на куполе храма. Круглая засаженная зеленой площадью в рамке невысоких домов из желтого камня лежала, как ломоть зрелого лимона. Город едва-едва просыпался. Несколько женщин, с корзинками в руках и с лукошками за плечами, прошли мимо Сидорки. Извозчик вынырнул вдруг из-за угла, постоял минутой на площади, но потом стегнул лошадей и поехал прочь, как бы стыдясь подставлять

Жертва испанского фашизма.

Фот. для «Огонька».

В Испании пользуется исключительным уважением историк Унамун, знаток Сервантеса. Унамуну с первых дней его свержения выказал себя противником диктатора Примо де Ривера. Последний сослал престарелого ученого в гибельный климат Канарских островов. Вся Испания тешно требовала освобождения Унамуно. К испанским протестам присоединился ряд международных организаций и ученых обществ.

Не дождавсь диктаторской справедливости, Унамуну вместе со своими друзьями был похищен с острова Хуэрта-Вентура при помощи французских журналистов, организовавших это похищение.

Теперь Унамуну находится в Париже. Чтобы не оказаться в дураках, Примо де Ривера амнистировал похищенного ученого.

На нашем снимке Унамуну и другой «преступник» Сорриано на борту парусника по дороге во Францию.

Труп Маттеоти найден.

Русс-Фото.

свою одвоглазую старую коняку и обшарпанную пролетку, и себя, неумытого и серого после бессонной ночи, под пристальный и горячий взгляд солдата.

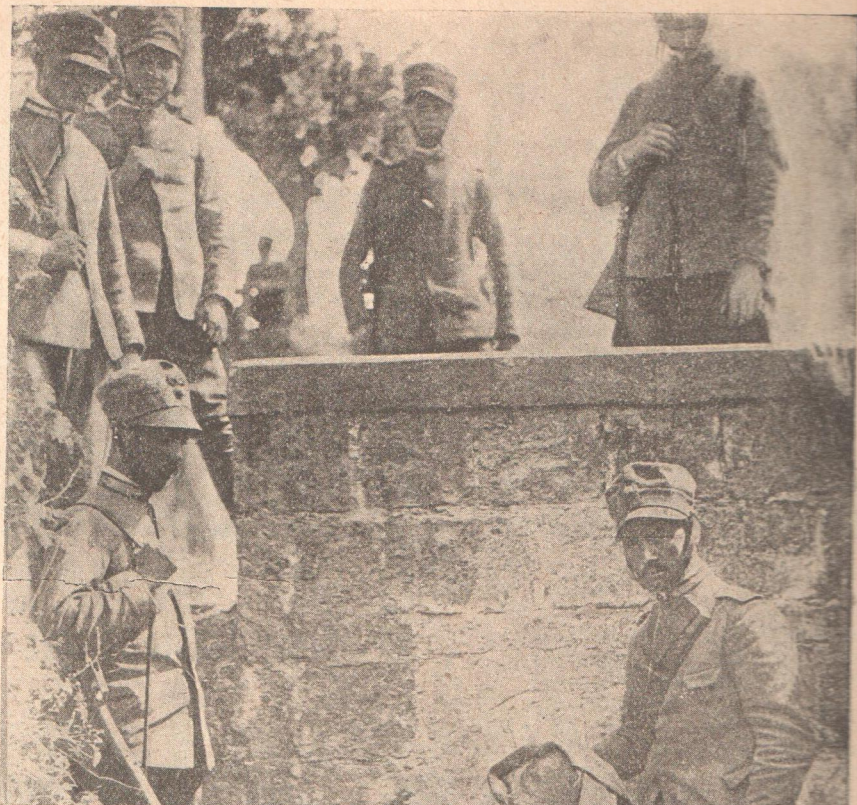
Сидорка присел на ступеньки храма. Бабушки Игнатовны не было. Голубей на площади было совсем немного. Они бродили в одиночку, издавая поклевывая и подбирая с земли случайные зерна. Но крупный голубь-самец, так полюбившийся Сидорке, был здесь. Поодаль от других голубей, он быстро ходил взад и вперед, как бы прогуливаясь под утренним солнцем. Сидорка вытащил из кармана, достал кусок черного хлеба, высушенного из дому, раскрошил его и бросил крошки на мостовую, любуясь весело жадностью приододавшихся за ночь птиц. Привлеченный шумом, красивый белый голубь подошел к Сидорке совсем близко. У Сидорки крепко забилось сердце, и перед глазами поплыли оранжевые кружки. Бабушки Игнатовны нет, и никто не увидит, если он возьмет голубя в руки. Он сейчас же выпустит его, но, может, минуту он будет держать его в своих руках, гладить по белым шелковистым перьям его шею, спину и грудь. Сидорка осторожно протянул руку вперед, но в это мгновение чья-то черная фигура выросла у него за спиной. Бабушка Игнатовна! Сидорка застыл на месте, не смея взглянуть на старуху.

— Ты что же это один сегодня?—раздался над Сидоркой веселый мужской голос.

Сидорка поднял глаза. Перед ним стоял хорошо одетый пожилой человек в расстегнутом летнем пальто, со шляпой в руке.

— Где же твоя бабушка?—снова спросил человек и, не дожидаясь ответа, сунул руку в карман, достал серебряный гривенник и протянул Сидорке.

— На вот, передашь ей, голубям на корм.

в белых фартуках и козырькастых фуражках катили перед собой двухколесные тележки с товаром. Извозчики виновато путались в толпе, сознавая, что они не нужны здесь этим ранним завсегдагам рынка, скромным людям с пустыми желудками и тощими кошельками.

Сидорка, ради удобства, чтобы не поскользнуться в льющейся по тротуарам толпе, шел по середине улицы, погруженный в мечты о голубе. Он так увлекся, что едва не упал, споткнувшись об узел, лежавший на самой дороге. Узел зашевелился, оттуда раздалось сердитое шипенье, и Сидорка тотчас узнал бабушку Игнатовну, ее кацавейку, монашеский платок и черные изюмины глаз на желто-сером, как засохшая ватрушка, лице.

Нерадивый возчик только что проехал по улице, с телегой, нагруженной мешками с овсом. Из прохуdivшегося, а может и нарочно кем пропоротого мешка овес просыпался на дорогу заманчивой желтой грядкой. Зоркие глаза бабушки Игнатовны живо наглядели добычу, и старуха копошилась в пыли, старательно сгребая овес в небольшие кучки и наполняя им свой бездонный холщевый карман.

— Ты что же это под ноги не глядишь?—сердито проворчала старуха, продолжая собирать зерно.—О чем задумался так?

Что-то кольнуло Сидорку в самое сердце. Вот оно, вот случай! Сейчас рассказать бабушке Игнатовне всю правду про голубя и просить ее, умолять, чтобы подарила она Сидорке полюбившуюся ему красивую

В Итали, вблизи Скрвфано и Кастельнуово, на расстоянии 20 километров от Рима, с помощью полицейских собак обнаружен труп убитого 10-го июня с. г. фашистами социалистического депутата Маттеоти.

Труп был перевезен в морг при владелице в Риано, где было произведено его вскрытие. Гроб с останками Маттеоти 20 августа был перевезен в Рим. Д-м Маттеоти, куда перевезены его останки, посетил много народа, в зловонившего велки на гроб убитого.

21-го августа состоялись похороны Маттеоти, в которых приняли участие многочисленные делегации и населения.

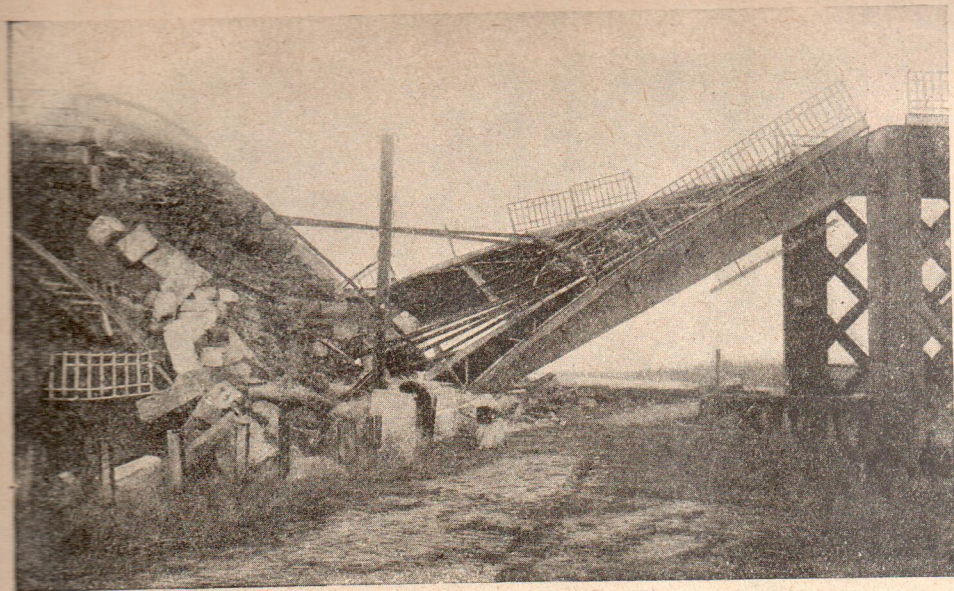
На снимках: Вход в туннель, где был найден пиджак убитого фашистами Маттеоти. Перевоз останков Маттеоти к вокзалу, откуда тело было отправлено в Рим.

Веселый человек махнул шляпой в знак прощания и пошел через площадь, Сидорка долго с недоумением глядел ему вслед, зажимая в руке монету.

Но надо было идти разыскивать бабушку Игнатовну, передать ей деньги. Си-

дорка поднялся, еще раз виновато и ласково взглянул на своего любимца и пошел по улице, что вела на рынок.

Здесь было больше народу. Люди шли быстро, обгоняя друг друга. Нищие шеренгой стояли вдоль тротуара. Торговцы

Железнодорожный мост на реке Днестре, взорванный с обеих сторон французами во время отступления из Украины в 1919 г. Общий вид.

плату. Он будет за ней ходить, как мать за грудным ребенком. Голубь будет жить на чердаке главного больничного корпуса, где так тепло, светло и просторно. Сидорка будет кормить его гречневой кашей из собственного рта.

— Бабушка Игнатовна! — сказал Сидорка, и так громко, что даже сам испугался собственного голоса. — Бабушка Игнатовна, — повторил он почтише, — подари мне голубя... — И потом совсем уже тихо добавил: — Я буду его кашей кормить... Старуха с недоумением посмотрела на мальчика.

— Какого голубя? — спросила она.

— Того... большого... в штанах который...

— В штанах? Да что ты, очумел, что ли? Как может божья птица в штанах ходить! Да ты знаешь...

Бабушка Игнатовна хотела, видимо, прилунуть Сидорку покрепче, но увидав, что глаза у мальчика полны слез, и губы дрожат, прибавила мягко:

— Брось, дурачек, и думать об этом. Нешто возможно голубя в руки брать, да в плену держать. Бог за это гляди как накажет. Садись вот лучше, помоги собирать овес...

Совсем подавленный, еле сдерживая слезы, Сидорка опустил на дорогу и сел прямо в пыль. Но тут он вспомнил про гривенник, зажатый в руке, живо встал и протянул монету старухе.

— Откуда же это у тебя?

— Один человек дал, там, на площади. Сказал: передай бабушке, голубям на прокорм.

Старуха взяла гривенник, посмотрела на Сидорку уже совсем ласково и медленно проговорила:

— Дурачек. Как есть дурачек...

III.

Домой Сидорка вернулся с головной болью; в ушах у него шумело, а перед глазами плавали оранжевые круги.

Ночью ему приснился пожилой веселый человек в расстегнутом летнем пальто и со шляпой в руке. Снилось, будто человек этот купил у бабушки Игнатовны голубя за новый серебряный гривенник, посадил птицу в шляпу и преподнес Сидорке с низким поклоном.

Против американского закона об иммиграции.

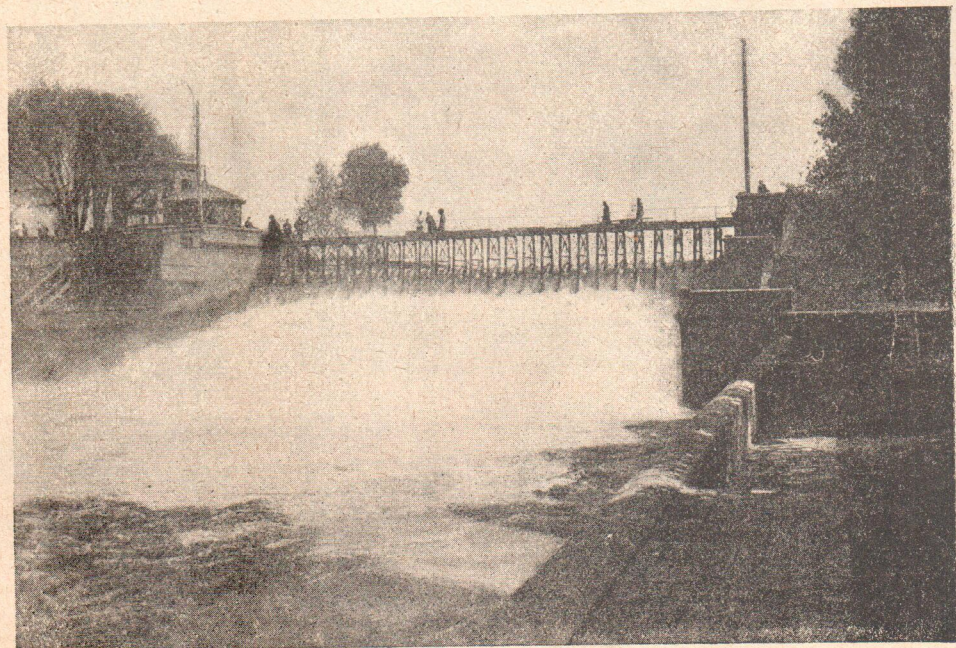
Фот. для «Огонька».

Американский закон об ограничении иммиграции вызывает всеобщее возмущение в Японии. Японское правительство относится к этому закону равнодушно, но общественные круги больших городов как Токио, Йокогама и др. не раз организовывали анти-американские демонстрации. На нашем снимке изображена демонстрация-протест перед зданием американского посольства в Токио.

Искусственное орошение — благополучие Туркестана

Фот. Оливицкого.

Одна из лучших плотин Туркестана — Гиндукуизская на реке Мургабе в Мервском уезде Туркменской области. При плотине — гидростанция, при помощи которой электрифицирован хлопковый район в Туркменской области — Байрам Амшійский.

Сидорка проснулся взволнованный. Тихо, чтобы не разбудить еще спавших отца и мать, через открытое окно вышел на двор. Солнце едва всходило. Утренняя свежесть и тишина действовали сбодрающе. Приятный сон тоже не шел из головы. Сидорке вспомнилось вчерашнее доброе выражение в глазах у бабушки Игнатовны, ее ласковое: «дурачек, дурачек», — и мальчиком овладела вдруг странная уверенность, что если он сегодня еще раз хорошенько попросит бабушку, то она подарит ему голубя.

Легким уверенным шагом двинулся Сидорка в город и живо дошел до площади. Бабушки Игнатовны не было видно, голуби куда-то улетели.

Как и вчера, Сидорка решительно повернул на улицу, ведущую к рынку. Он прошел ее всю от одного конца до другого, и снова вернулся, но старухи не встретил. Было еще слишком рано, и бабушка, очевидно, еще спала. Нужно было сесть на ступеньки, на обычное место, и ждать ее прихода. Но нетерпение мальчика было так велико, что он решил тотчас же идти к бабушке Игнатовне, в ее хибарку, разбудить бабушку, если понадобится, и попросить ее, чтобы она подарила ему голубя.

Когда он повернул в переулочек, где жила бабушка Игнатовна, он увидел идущую ему навстречу из-за города толпу ребят. Это были пионеры; они шли стройными рядами под веселые песни из лагерей в город. Сидорка узнал среди них и Петю Курдюмова. Не желая встречаться с Петей, особенно сейчас, Сидорка свернул с дороги, спрятался за калиткой в одном из дворов и присидел там, пока пионеры не прошли мимо.

Когда их песня зазвучала уже совсем далеко, Сидорка вышел на дорогу и торопливо пошел, почти побежал, к жилищу бабушки Игнатовны.

Это была хибарка, сколоченная из толстых досок, обмазанная глиной, с совершенно плоской крышей, накрытой отдельными листами старого железа. Маленькое оконце в четыре стекла, ка-

Член английской палаты общин в СССР.

Фот. С. Красинского.

Мисс Джуксон—член Английской палаты общин, прибывшая в Советский Союз с целью изучения советской культурной жизни.

...ею не больше четвертушки бумаги, пылало в огне; из железной тонкой трубы, торчавшей над крышей, поднимался прозрачный сизый дымок: в хибарке топилась печь.

Сидорка остановился в нерешимости. Физическая энергия иссякала в нем, но мечта о голубе двигала его вперед. Он решил подойти к оконцу и заглянуть внутрь хибарки. Бабушки Игнатовны там, повидимому, не было. Какая-то девочка стояла у печки и глядела в огонь. Сидорке открыл дверь и вошел в жильё.

Земляной пол хибарки был ровно и чисто подметен. В углу, против печки стоял тонконогий стол, накрытый листом, частой желтой бумагой. Несколько искусственных цветков торчало из старого деревянного жбана с отбитой ручкой, и рядом стояла полубутылка вишневой наливки с яркой желто-зеленой этикеткой.

Сидорка вошел и остановился у порога.

Девочка-подросток уставилась на него удивленными глазами:

— Тебе что надо здесь?—робко спросила она.

— Бабушку Игнатовну,—ответил Сидорка, тоже робея.

— Бабушки нету. Она ушла к соседям за противнем. Пирог печь будет, именица. А ты, верно...

Но она не докончила фразы. В печи что-то громко зашипело, и девочка, схватив лежащую на припечке тряпку, сунувшись с головой в печь и вытянула оттуда сковородку, на которой яростно шипели и жарились в жиру три, как показало Сидорке, больших дыпленка.

— Вадись,—сказала девочка, обратив к Сидорке красное от жары и натуги лицо,—дичина. Тут три голубя, а там еще...

И она показала пальцем в угол за печкой.

Сидорка взглянул туда мутнеющим взором.

Там, в углу, на грязной табуретке со слезами страпни, лежал на спине голубь... его белый голубь, все в тех же красных из перьев штанах, но с перерезанным горлом и скрюченными мертвыми лапками.

Бабушка покачнувшись, огонь заплескал в огне, а тонконогий стол повалился на спину.

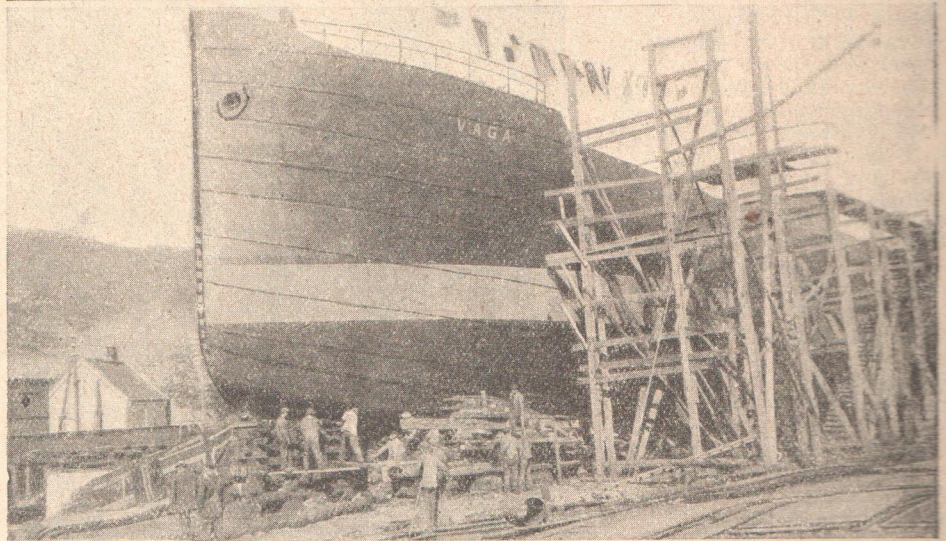
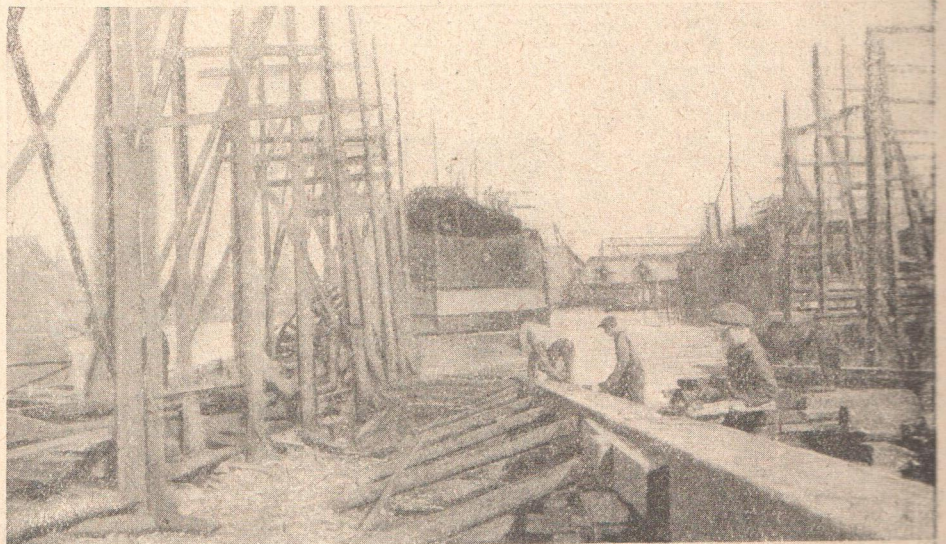
Удушливый ком поднялся откуда-то из живота и застрял у Сидорки в горле. Мальчик стоял бледный, с широко раскрытым и судорожно искривленным ртом, с крупными каплями холодного пота на лбу.

Девочка испугалась и с криком убежала из хибарки. Сидорка вышел вслед за нею и пошел по переулку, пошатываясь, уставив вперед потухшие, ничего невидящие глаза...

Владимир Василенко.

Советский торговый флот строится.

Русс-Фото

После подписания торгового договора между Норвегией и С.С.С.Р. основано смешанное Русско-Норвежское пароходное общество. Это пароходное общество спустило первое торговое судно «Вага». Судно должно поддерживать торговые рейсы между Бергеном и Архангельском. На вахтах работают: 1) После спуска «Вага» дети собирают мыло с салазок. 2) «Вага» в доку. 3) «Вага» на дамбу, вытаскивают последний якорь.

КРАСНЫЙ ПУТИЛОВЕЦ

Очерк А. Меньшого.

Фотографии С. А. Магазинера.

Здание заводоуправления утопает в зелени.

А завод—две длинные, бесконечные,—глазом не охватишь, шеренги—черных от копоти—презимистых, подслеповатых, бесконечных зданий, длинных и узких, стеющихся по земле, ползучих. Крыши полукругами, полукуполами, стеклянные, но стекла повывбиты,—а которые остались—черным толстым слоем копоти покрытые. Это—мастерские. Длинная на версты тянущаяся улица мастерских. Потом—заворачиваете вы—еще улица, еще, и—потом проулочек, переулочек, улочка. Глянешь вперед—все те же, все те же приземистые мастерские, а вдали—лес труб, жадно тянущихся к небу. А небо бледно-голубое, серовато-голубое—и такое далекое, далекое.

Улицы, улочки, проулочки, переулочки—полотно железной дороги. Когда-то непрестанно бегали здесь по путям поезда,—с громыханьем и лягом, с пыхтением тяжелым паровозным. Сейчас не «непрестанно», но «непрерывно»; но—ничего, работа идет, завод действует. И в каждом уголке, везде-везде—чувствуете вы биение живого пульса, чувствуете вы равномерный, тихий, спокойный труд человеческий.

Полотно железной дороги, все улицы и переулки густо поросли бурьяном. Бурьян разросся пышно, укрывая от глаз раскиданные по всему заводскому двору кучи железного лома, обломков машин, снарядов, пропеллеров, болванок. В 1918 г. таких куч ломовых было в десятки раз больше, чем сейчас. Лом переплавляется, идет на сырье.

Прислушайтесь к заводу—вы услышите мерное, ровное чуть-чуть хриплое, чуть-чуть приглушенное дыхание гиганта. Я подчеркиваю *мирное* и *ровное* дыхание,—это, по моему мнению, самое характерное для «Красного Путиловца» сейчас, летом 1924 года. «Красный Путиловец» живет и работает *мерно* и *ровно*, мерным и ровным темпом. Нет той лихорадочности и головокружительности, которая была во время войны, и нет той усугубленно-тихой замедленности, которая была в годы застоя, 1918—1921. Сейчас—*полная* жизнь,—без излишнего перенапряжения, без излишнего недонапряжения. Сейчас—*ровно* и *мерно*.

«Красный Путиловец» нельзя, в сущности, назвать заводом, потому что это не *один* завод, а целое собрание многих, разных заводов. Завод заводов—так бы я назвал это.

Давайте, я перечислю вам, какие есть заводы на Путиловском заводе:

Чугунно-литейный,
Старо-монетный,
Медно-литейный,
Машиностроительный,
Лесопильный,
Вагоностроительный,
Паровозостроительный,
Пушечный (ныне тракторный),
Инструментальный.

Девять заводов. Каждый из этих девяти включает в себе целый ряд мастерских. Всего на заводе семьдесят учреждений.

Завод имеют свою металлографическую, химическую и механическую лаборатории. Лаборатории эти скорее научные, чем промышленные учреждения, они играют огромную роль, именно, как научно-тех-

нические учреждения (они связаны с высшими учебными заведениями, с Академией Наук и т. д.), но в то же время они *производят*, работают на рынок, выпускают на рынок продукты.

У завода свой собственный полигон для обстрела пушек.

Завод имеет свои собственные силовые станции.

4 завода—собственная испытательная станция для пробега паровозов. (Паровозы, построенные на «Красном Путиловце», могут делать по 100 верст в час).

Завод занимает территорию в 4½ квадратных версты.

Старейший путиловский рабочий, дедушка «Красного Путиловца», Антон Кузьмич Кузьмин, 72 лет от роду; работает 60 лет, с 12-летнего возраста.

Длина железнодорожных путей на территории завода—80 верст.

В настоящее время (лето 1924 г.) завод производит:

Строительство и ремонт паровозов и вагонов, по заказам НКПС.

Прокатку и отливку железа, стали, меди. Железо-конструкции, главным образом, котельные для Волховстроя.

Тигельную сталь. Наша путиловская тигельная сталь успешно конкурирует с иностранной.

Колеса—всякого рода, начиная с паровозных колес и кончая деревянными колесами для крестьянских телег.

Солесосы—для соляных приисков.

Двигатели—электрические, паровые, и внутреннего сгорания.

Слесарные пилы.

Всякого рода инструменты.

Болванка, тысячеудовая, раскаленная добела, как конфетка-тянучка, мягкая и тянучая, под тысячеудовым прес-

сом. Пресс опускается на нее медленно и мягко—нежно, не ударяет с разбега с разбегу,—нет: прижимается нежно, звучно, и тянучка растягивается, втягивается, сжимается... А наверху под котлом, во тьме, сидит в вагонеточке чело и открывает, закрывает рычаги. Ему дана власть над тысячеудовой этой болванкой. Это точь в точь, как в симфоническом оркестре отдельно где-то, в углу, на верна стуле, спиной к оркестру, сидит ганист. Он тоже член коллектива, он в играет со всеми, все вместе,—одну с фонию,—но он в отделении один...

Одно из величайших достижений Советской власти заключается, по моему мнению, в том, она—Советская власть—сула *примирить* рабочего с заводом. Завод был для него тюрьмой, каторжной тюрьмой. За был противный, постыдный. А с завод—родной, свой... Рабочий презирал не только завод, но свой труд подневольный на заводе. А стал труд—тоже свой родной интересный, даже... даже приятный...

Помните у Горького в «На д босяк Сатин говорит:

— Сделайте мне труд приятным, тогда и я, может быть, буду трудиться.

Вот дождал Сатин до наших дней. Прежде были у рабочего адреса завода только проклятия. Сейчас—гордость: *наш* завод.

Прежде работал рабочий все гудка ждал. День работы был, как бесконечность,—как уж, наконец, гудок. Проклятые часы,—как медленно двигались стрелки! Это они *нарочно* медленно двигаются. Хозяйские часы. Хозяйские стрелки.

Дело в том, что сейчас завод перестал быть *только* заводом. За стал *всем*. Завод стал (завод, таковой) общественной организацией. Завод стал для рабочих и для и местом отдыха. На заводе уже не только работают, но и дышат. На заводе клубы, заводе—десятки кружков. Завод—десятки школ; и грамоты, и политграмоты, и ленинизм, марксизма, и литературы искусства, и мастерства... Хоч из неквалифицированных, чер рабочих в высококвалифицированные перейти? Пожалуйста, сделай лость. Вот тебе школа, учишься мастерству. На заводе—масса развлечений. На заводе театр. На заводе—спорт. Кончил работу иди в мяч играть... А митинги. А политические и всякие там прочие собрания—вы и это примите во внимание.

Можно и вовсе не уходить домой с вода, можно круглые сутки и всю делю, если хотите, и всю жизнь, если тите, провести на заводе. Ибо, ведь, интересы рабочего,—все—все, начиная грубо-желудочных и кончая высококвалифицированными,—все они здесь... Иной раз несколько дней подряд и не приходи домой уходить. Кончил работу—собрал партийное. После собрания партийного какой-нибудь комиссии собрания,—культшефству, скажем,—про дела «наш волости». («Красному Путиловцу» це волюсть под шефство отдана), обсужде идет. А после культшефского собрания шахматный кружок, потом—спортивный клуб,—скоро матч с Москвой, не удар бы лицом в грязь; потом в уголок Лен

забыть, книжку почитаешь, потом в театр—репетиция идет. Куда уж тут домой? Завод ближе, роднее, чем жена и дети.

Одна только печаль у путиловцев (и хоть прикажи они меня об этом не писать—стыдно им,—а я все-таки напишу), одна печаль—женщин уж очень мало.

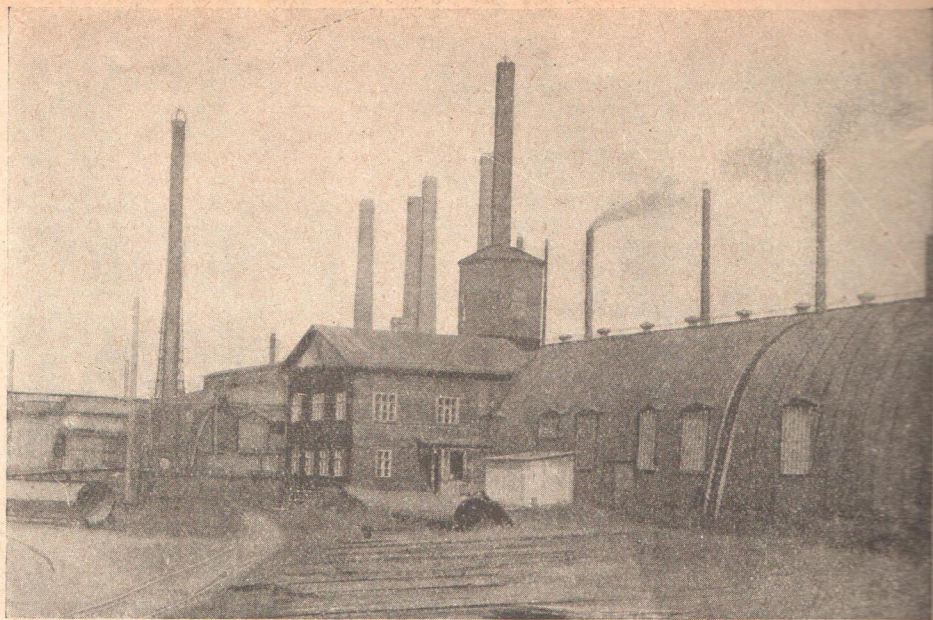
Обидно мало. Конечно, мы понимаем: работа такая тяжелая—тяжелая, ведь, индустрия,—куда женщине. Но, однако,—возьмем хотя бы театр,—разве может театр без женщин быть. Или, скажем, баскетбола.—опять без женщин нельзя. И уже давно поднят вопрос о культурном обслуживании «Красного Путиловца» с «Красным Треугольником»,—там на Треугольнике женщины, хоть отбавляй. Там женщинам мужчин нехватает.

Тут хочу я отметить еще одно великое достижение Советской власти: Советская власть уничтожила похабство.

В до-советские времена завод был весь снизу доверху, до самых высочайших веркушек труб гигантских и со всех сторон густо опутан матерщиной,—весь он в озлобленности, в ненависти и презрении утопал. Женщине на завод показаться страшно было: засмеют, облают, охают, про самое женское, про самое стыдное, с насмешкой дикой громко крикнут... Ну, оно и понятно: народ озлобленный был,—сам в мучении, других мучить горазд,—ведь, был завод каторжной тюрьмой. Каких любезностей ждете вы в каторжной тюрьме?

Сейчас... Вокруг «Путиловца» круг очерчен, радиус—одна верста в этом кругу—из одной пивной. Отношение к женщине... рыцарское, говорите вы. Нет, извините—не рыцарское, а в миллион раз лучше, выше, возвышеннее, чем рыцарское,—товарищеское.

Как только вы переезжаете Нарвскую заставу, вы уже издаете начинаете чувствовать Путиловский завод. Сейчас же за Нарвской заставой, начинаются кооперативные лавки «Красного Путиловца». Лавки? Нет магазины. На проспект бы

Уголок завода «Красный Путиловец».

25-го Октября... Макаронная фабрика кооператива «Красный Путиловец»,—кооператив, оказывается, путиловский свою фабрику имеет.

— Работает фабрика?—спрашиваю сторожа у ворот.

— Как же. На полный ход.

— Можно войти, посмотреть?

— А пропуск от кооператива?

Порядок, значит.

Кооператив Путиловского завода «выходит на рынок с макаронами»,—так, ведь, нынче выражаются.

Далее идут путиловские клубы. Молодые люди, высокие, костистые (в трусиках—и больше ни в чем)—а на трусиках какие-то цифры, какие-то буквы,—футбол

путиловский... Далее... путиловские пионеры (несколько сот), путиловские комсомольцы (уже не сотни—тысячи). Путиловский театр. Путиловские кинематографы. «Красные дьяволята»—и,—не знаю, как и почему—удивляюсь,—«Тарзан». Путиловский стадион. Путиловская физкультура. Путиловская библиотека. Путиловский фабзавуч. Путиловские ясли, дом матери и ребенка. Путиловские школы—общие и специальные. Путиловский народный дом.

Путиловские афиши. Издали только то видно, что очень крупно напечатано:

«Эрмитаж... Музей»...

«Макс Линдер. 33 несчастья».

«Красный Путиловец—Норвегия».

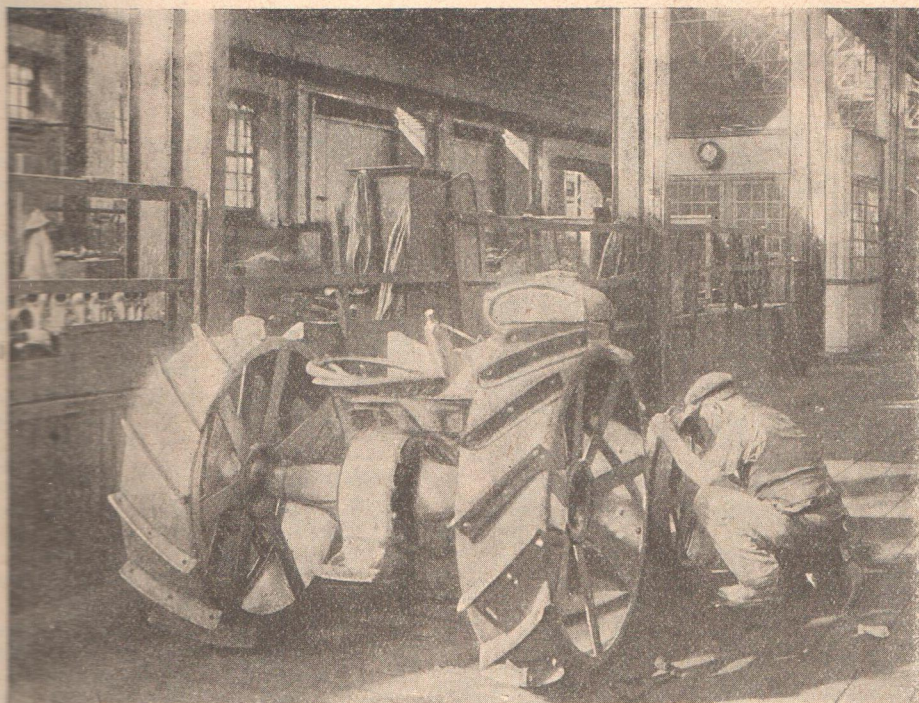
«Красный Путиловец» Норвегию за бой вызывает...

Я в Норвегии жил. Знаю эту страну... Хотя и не очень большая страна, но и не из самых маленьких. Два миллиона шестьсот тысяч населения. Король. Парламент. Министры. Бюджет. Солидная промышленность. Большая торговля. Банк. Театр Ибсена и Бьернсена. Богатая литература (Кнут Гамсун). Проституция. Танцующие. Приюты. Огромный торговый флот. Ювелиры, парикмахеры аптеки, рестораны, университет, технически училища, музыка—своя собственная—Григ, Свендсен, Синдинг... Одним словом, вполне европейская страна, держава... И вот «Красный Путиловец» вызывает целую державу на бой...

Конечно, это только футбольный бой. Но как это звучит—внушительно и сильно:—«Красный Путиловец—Норвегия».

В Норвегии уже десятки лет культивируется футбол. Когда была мировая война, и мы с вами в окопах лежали, и вся Европа утопала в крови—Норвегия преспокойно занималась футболом. Она в войне не участвовала, она была нейтральна, она только наживалась, богатели на войне. А «Красный Путиловец»—ему не до футбола было в дни гражданской войны и голодной блокады. «Красный Путиловец» только в прошлом году футболом занялся... А посмотрите, как он Норвегию расколосматит. Держись Норвегия!

А. Меньшой.

Советский трактор.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЬКА“.

Книжки будут выходить еженедельно, размером от одного до двух печатных листов.

По содержанию книжки «БИБЛИОТЕКИ ОГОНЬКА» будут подразделяться на четыре основных типа: 1—новая беллетристика (оригинальная и переводная), 2—юмористические рассказы и повести (оригинальные и иностранных авторов), 3—документы эпохи и мемуары и 4—наука: новые открытия, опыты.

В «Библиотеку Огонька» войдут новые произведения лучших русских и иностранных авторов.

Цена отдельной книжки—15 коп. Для подписчиков журнала «ОГОНЕК» 4 книжки—50 коп.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ и с сентября начнет выходить первая серия книжек «БИБЛИОТЕКИ ОГОНЬКА».

Черная накипь

Стихотворение В. Александровского.

Пусть и сказкой, и бредом, и сном
Жизнь летела, и прыгали сроки,
Но приходится все об одном
Собирать эти жесткие строки.
В сотнях троп затерялся мой путь,—
Мы спешим, как за зайцем собаки,
Только вот, не могу я страхнуть
Эту давнюю черную накипь...
...Помню: брат с деревяшкой-ногой
Думал, молча уставившись в стену
(Память-враг...)

Что-то видел он пред собой,
Что? невзгоды ль французского плена
Или страшное, злое «вчера»?
Буркнет что-то и снова молчит,
А глаза так и режут, и режут
(Память-враг...)

Не слова с языка—кирпичи,
Все тупее, все глуше, все реже

И сидит, и сидит до утра...
...Помню: жуткую ненависть глаз,—
Взгляд разбитых в бою командиров
(Боль-остра)...

Там, на скверах, где ползает мгла,
У дверей кабачков и трактиров
Продавалась сестре,
Замусоленный, масляный рубль,
Чтоб тупее—стакан самогона
(Боль-остра...)

Каждый в ласках небрежен и груб
И не с тайною дрожью,—со стоном
Отдзалась она до утра...
Пусть и сказкой, и бредом, и сном
Жизнь летела, и прыгали сроки,
Но приходится все об одном
Собирать эти жесткие строки...

В. Александровский.

Конец Украины

Очерк А. Светлова.

Волнение началось уже с того момента, когда был дан наряд. «25 автомобилей, 150 извозчиков, 250 под... 1.000 чемоданов, 1.200 корзин, 2 парохода, 50 шлю... 4 катера, 800 винтовок».

Режиссер увещевал:

— Все найдете, милые, трудно, знаю, чтобы безра... тены и чтобы были буржуазией. Понагужтесь! Съем... то какая. Последняя ведь съемка. К концу Украина... —исход белых—конец Украины.

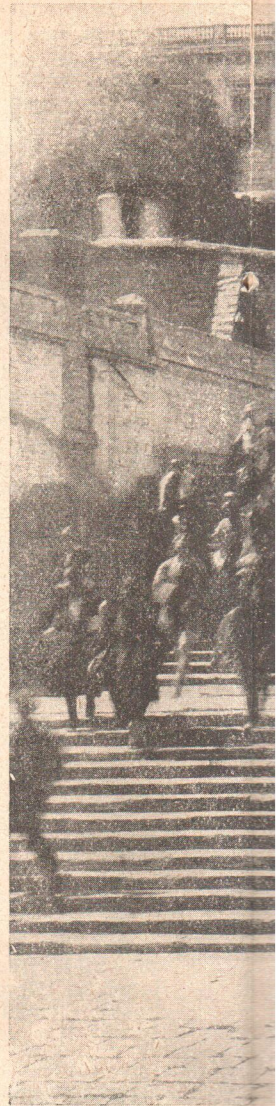
Был воскресный день. Уступами спуска, лестницами... зара, набережными порта,—бежали буржуи. Тру...

били автомобили, громыхали подводы, катились извоз- чики, кричали, скатывались с горы.

Господа офицеры, почтенные фабриканты, уважаемые заводчики, кушцы всех гильдий, сестры всех госпита- лей, крупье всех клубов, дамы всех мужчин, мужчины всех валют.

Скорее! скорее! скорее!..

Разве вы не видите, что «они» уже здесь. Они уже ворвались. Они уже за вашими спинами. Еще немного и вас нагонят. Вы ведь знаете, что это значит, когда по улицам, нагруженные винтовками, знаменами, рабо- чими, неумолимые, оцетинившиеся мчатся грузовики.

Эвакуируются.

Рытвинами спусков, камня вых, перпендикулярами лестничными мчались к пароходам.

Какие фигуры! Дама с откуда у вас такая неверо- мадная шляпа? Или вы, ба- ллюшесом запыленном плат- ких сундуков оно вытаскает лет ему и от скольких сп- визиций?

Всех обгоняя, всех опере- ся автомобиль главноначал- го. Кто там с генералом седой эспаньолке и форме по- Ба, знакомое лицо... Да Б. И. впрямь бывший офице- ван, ловелас. Тогда в 1919 е- тили за то, что он умел был полковником. Сейчас за то, им казаться.

А вон и «длиннополый». Даже два длиннополых лестнице, полы подобрал: в- чили до последней ступень жала толпа, смела, перевер- но черные парусы яса в воздухе.

— А поны это что, на- — Известно, настоящи- — А платят им скольк- — По два с полтиной. — Д-да... немного...

Поны были, конечно, н- но разговор этот насто- знает, что хуже для потр- церковных.

Трещал аппарат. Под- нами, извозчиками, экин-

Скорее в порт!

ми спусков, каменными мосто-
дикулярами лестниц, тени
пароходам.

игуры! Дама с собачкой—
как такая невероятно гро-
зяпа? Или вы, барышня, в
запыленном платье. Из ка-
ков оно вытасcano, сколько
от скольких спасено рек-

онья, всех опережая, мчит-
иль главноначальствующе-
ай с генералом рядом, в
ылке и форме полковника?
мое лицо... Да ведь это
мь бывший офицер, бонви-
ас. Тогда в 1919 ему запла-
т, что он умел быть бравым
ом. Сейчас за то, что умеет
ся.

«длиннопольный». Бегут по
полы подобрал, вот доско-
оследней ступеньки, набе-
а, смела, перевернула, толь-
парусы яяс мелькнули в

ты это что, настоящие?
тно, настоящие.
ят им сколько?
за с полтиной.
... немного...

или, конечно, не настоящие;
ор этот настоящий, и кто
хуже для потрясения основ

аппарат. Подводами, тач-
ечками, экипажами оди-

ночками, семьями, домами, кварта-
лами, толпами, бегут, подпрыгивают,
подскакивают, несутся к пароходу
буржуи.

Вот и море, и трубы желанные, и
дым заветного парохода.

Господа офицеры—дорогу женщи-
нам.

Раз... два—и женское тело через
борт, спиралью в воздухе, грузный
всплеск воды и отчаянный вопль в
море:

— Спа-си-те!..

«Все это уж было когда-то...

И мы еще помним когда».

А если и забыли—«Укразия»—эта
фильма о конце белой Украины, филь-
ма, которая сейчас заканчивается,
которую через месяц на экране уви-
дим, напомним об этом.

Последние дни белой Одессы. Как
черны были эти дни обреченных побе-
дителей, как потоками лились в контр-
разведках кровь и вино.

Начальником обороны Одессы ровно
за восемь дней до конца был назна-
чен Стессель, полковник Стессель,
племянник портартурского героя.

И последнее прибежище здравого
смысла, эпиграмма неопровержимо
предсказывала:

«Мы любим водку пить при бравом
марше

И полководцы наши—первый сорт.
Когда-то Порт-Артур сдал Стессель-
старший...

А Стессель-младший сдал Одессу». Ровно через восемь дней на девятый.
На девятый—Укразии больше не блис

Над Одессой последним
оплотом развевалось знамя

Эвакуация белых. В порту.

Улица в Миргороде, оставшаяся без изменений со времени Гоголя. Миргорожане уверены, что именно здесь проживали Иван Иванович и Иван Никифорович.

МИРГОРОД.

Очерк Эмилия Миндлина.

На перроне Полтавского вокзала в деревянной клетке мечтательно похрюкивает свинья... Два человека—один в свитке, другой—железнодорожник—обсуждают, сидя на клетке, вопрос о погоде... Обсуждать собственно нечего. Накрапывает дождик, и надвигающийся вечер не обещает удовольствий.

Впервые ощущаю исчезновение времени. Десятиэтажный дом сваливается с плеч, московский секундомер умолкает. Если бы спросили меня в это время: когда поезд в Миргород приходит—серьезно, я бы ответил так же, как ответили мне:— «А как увидите на перроне памятник

Гоголю, так и слезайте, то и будет Миргород».

Увидеть памятник, однако, приходится не скоро. Миргородский поезд, вместо 4, отправляется в 7. Вагоны тряские, скрипучие. Хорошо еще, что почти пустые. Приезжаем вечером. Станция «Миргород».

На перроне горбится, высовываясь из темноты, неказистый памятник Гоголю. Две умопомрачительные надписи сияют по обе стороны памятника.

Одна:
«Кипеченая вада—со стороны Киева.»
Другая:

«Отхожее место—со стороны Палтавы.»

Получив сии замечательные сведения из области географии миргородского вокзала и использовав в полной мере, отправляемся в город.

Идем огородами, баштанами. Далее наткнемся на семейство крестов. Оказывается—кладбище.

За кладбищем—городская мостовая. Боже мой, и зачем только ее мостили! Из земли вылезают маленькие острые каменные чудовища. В клочья рвут обувь. Вши-

ваются в кожу ступни. Ежеминутно заставляют спотыкаться.

В темноте, не замечая столба, лежащего поперек улицы, спотыкаемся и падаем. Столбов этих видимо-невидимо разбросано по Миргороду. Лежат они на предмостовой электрификации уже второй год. Электрификация, собственно в Миргороде давно уже закончена, но столбы почему-то лежат, хватая за ноги прохожих миргорожан.

— Скоро, вы увидите место, на котором была наша знаменитая лужа,—торжественно произносит мой спутник. Он—миргорожанин и патриот.

Лужа? Лужа—это очень смешно! Глупо. Не стыдно ли говорить о луже? Раз лужа перестает быть лужей, когда на ней пишет Гоголь? Так может быть это стыдно сказать; меня волнует напоминание о ней! Я кланяюсь гениальной луже. Пожалуйста, не смейтесь. Она действительно гениальна, эта лужа, отразившая в стоячей воде своей весь человеческий Миргород!

И мы подходим к площади.

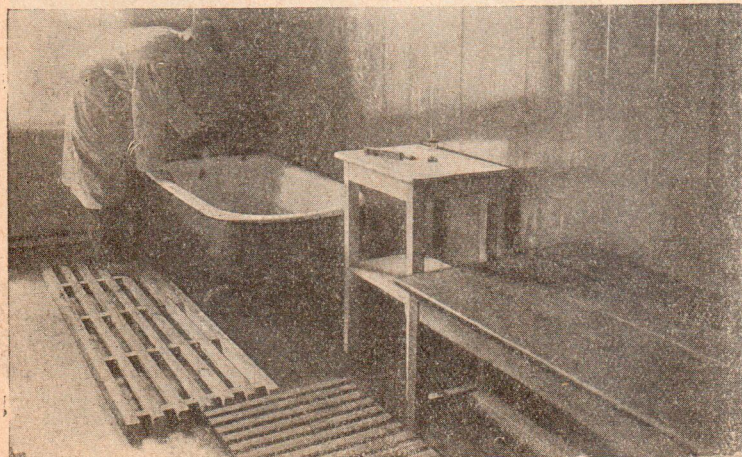
Помните—у Гоголя?

«Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа удивительная лужа, единственная, какую только вам удавалось видеть. Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа. Дома и домишки, которые издали можно принять за копны сена, обступившие вокруг, дивятся красоте ее.»

Вы разочарованы—никакой лужи нет. Об этом, впрочем, еще в поезде сообщают вам с тяжелым вздохом соседний миргорожанин. Нет, нет—не шучу: они не могут без сожаления вспомнить о своей луже, эти люди. Они гордились ею, когда была она, гордились тем, что есть у них она. Теперь гордятся тем, что была она у них в прошлом. И прямо

Миргород.

Фот. для «Огонька».

Ванная комната в миргородской лечебнице.

Прежде всего, поведут вас к зданию, где распласталось легкое здание водолечебницы. Поведут и заставят здесь. В эту минуту не смейте нарушить молчание. Ваш спутник—если это истый миргорожанин застынет. Глаза его станут мечтательными. На лице изобразится грусть. Взор устремится на соседнее с водолечебницей здание. Серое с восемью окнами на улице, одноэтажное и с круглой черепицей. Знаете ли вы это здание? Если нет, то, что, вообще, вы знаете о Миргороде, невезучей пришелице! Это (снимите шапку!) это «Почтовый» суд. Дверь, эту видите и крылечко,— так видите, что именно в эту дверь прошла знаменитая свинья Ивана Никифоровича и украла жалобу Ивана Ивановича.

Конечно, если приглядеться, то может показаться, будто никакого суда здесь уже нет, а есть только общежитие при водолечебнице. Но это только «может показаться». Настоящего не существует для истого миргорожанина, а есть только прошлое—свинья в суде и прочие удивительные вещи, которые заставляют благоговейно пришелицу и почтительно снимать шапку, проходя мимо места, где блистала некогда лужа. |

И вот, бывает же—забил из лужи этой... целебный источник! И к Миргород уже, а Российский Баден-Баден!

Замечательный источник, несколько лет бил он—и миргорожане плевать на него хотели!

— «Соленая вода, невкусная».

«Деревенские» первые открыли целебные свойства источника, стали бочками воду по деревням развозить: и от подагры лечит, и от ревматизма, и от желудка—замечательная вода. Как стало это все им известно, тогда и «город» зашевелился.

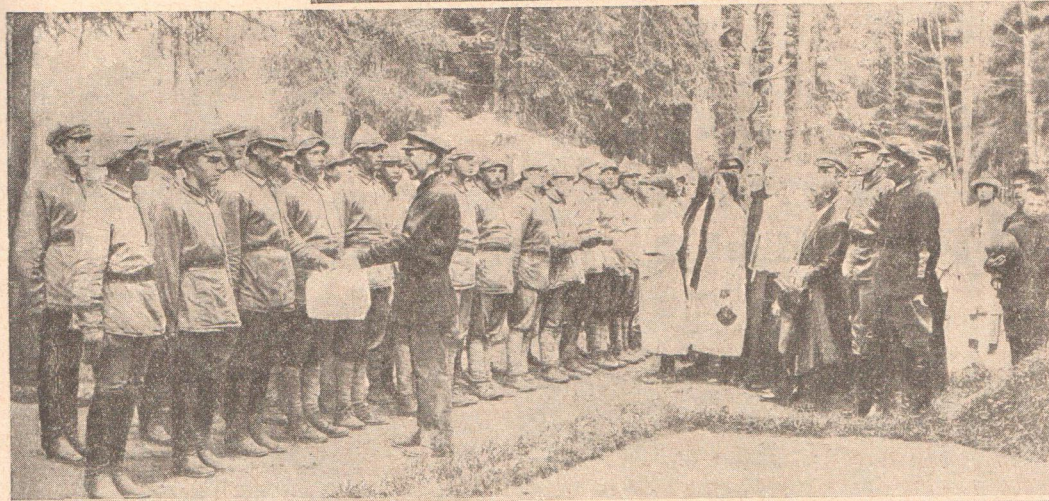
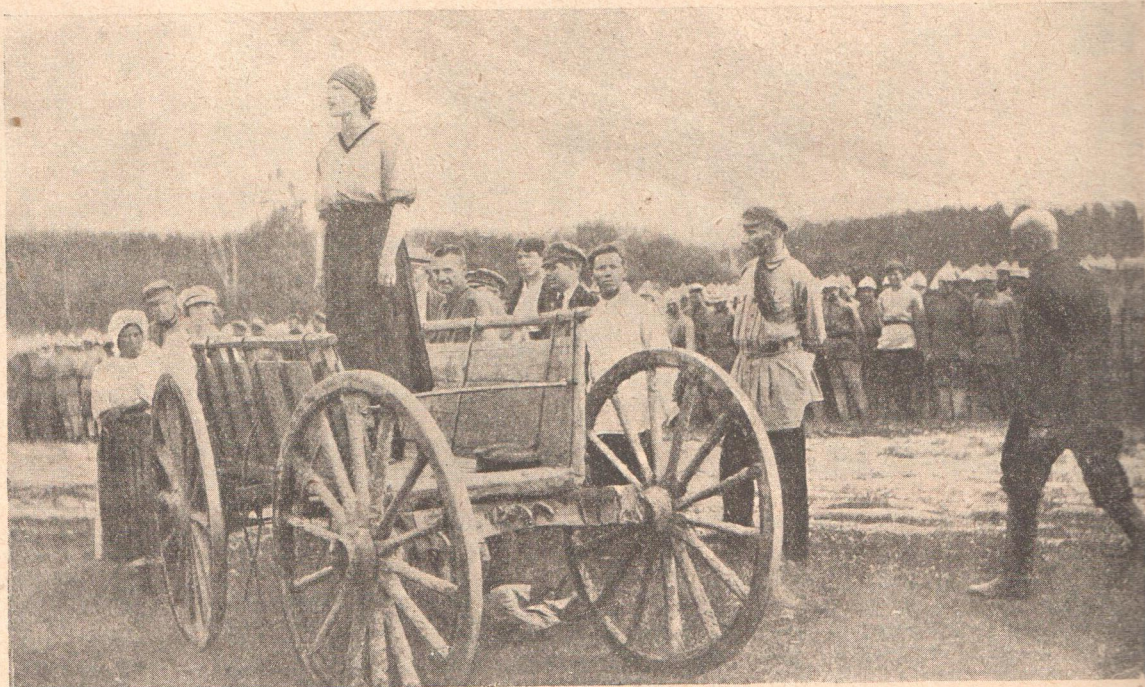
Послали воду на исследование—и что же? Вот вам и Миргород! Радиоактивная вода! Хлористых солей больше, чем в Баден-Баденской! Иодистого натрия столько же, сколько и в Аахене!...

И высушили Миргородскую лужу. На месте ее водолечебницу выстроили, парк разбили, трубами всю площадь опутали. И ныне готовится гоголевский Миргород к будущности всероссийского Баден-Бадена.

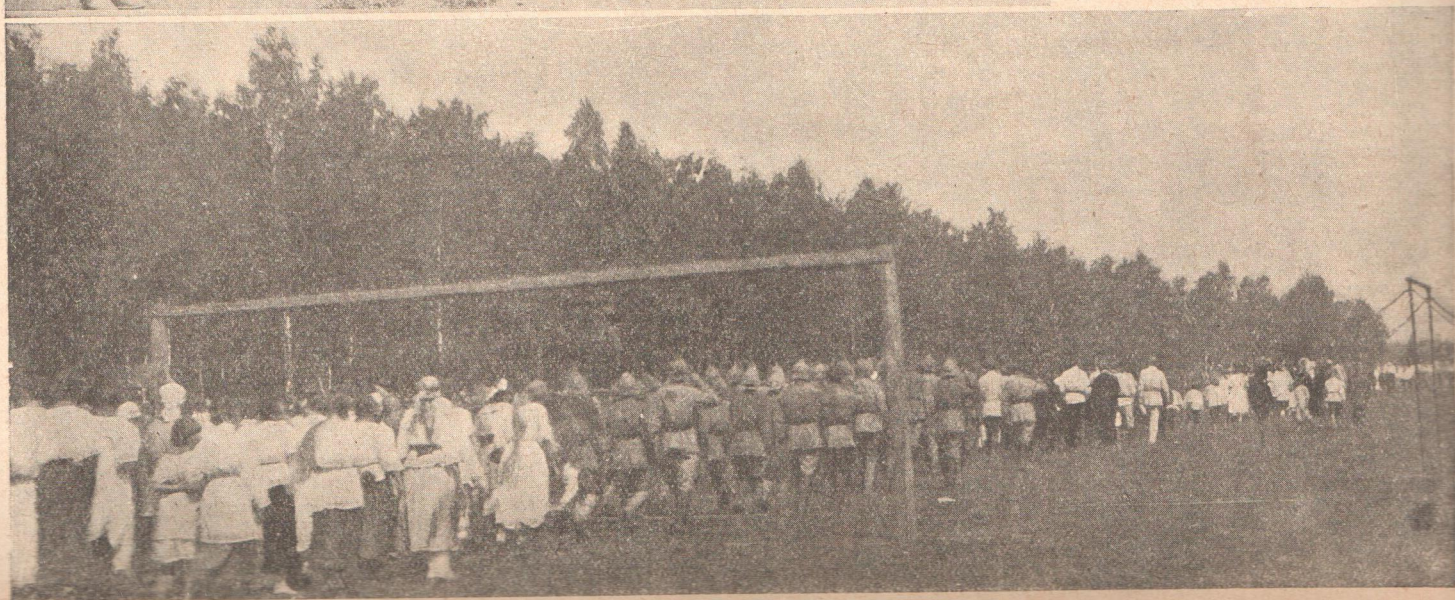
Смычка рабочих с красноармейцами.

От ярославского корреспондента «Огонька».

Фот. М. Цыпина.

Замечательные в Миргороде люди живут. Вас непременно поведут к Ивану Андреевичу. И стыдно не знать Ивана Андреевича. В 1882 г. был он городским головою Миргорода. Известно ли вам, например, что еще в 1882 г. Иван Андреевич написал и всяческими доводами обосновал проект создания в Миргороде бульвара, но до сего времени прекрасный проект этот не осуществлен. Теперь же собирается Иван Андреевич возбудить перед Совнаркомом ходатайство об осуществлении проекта. Сам он расскажет вам об этом с трогательным волнением, шамкая беззубым ртом и прерывая рассказ своей воспоминаниями о заслугах Миргорода.

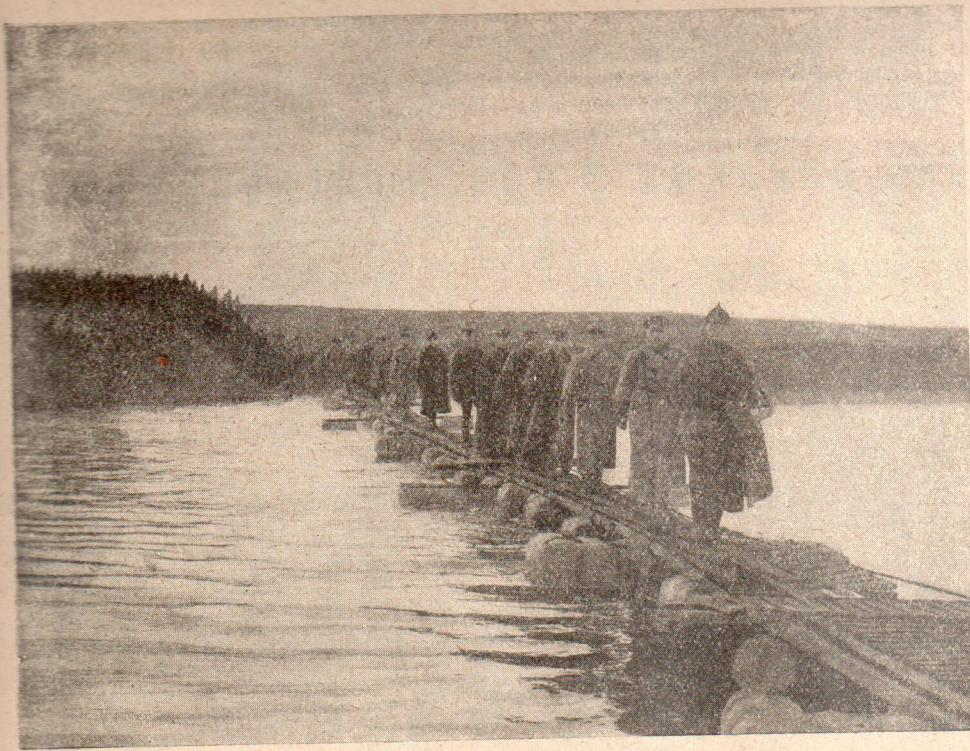

Назад: Крестьянка приносит реч. Никто: Шефы раздают подарки. Внизу: Прибытие в лагерь рабочих организаций.

Красные маневры.

От ярославского корреспондента «Огонька».

Фот. М. Цылина.

Наводка моста на поплавах системы «Полянского» через реку Коростель в гор. Ярославле.

Есть и клуб в Миргороде. И знаете ли кого встретить можете вы в клубе миргородском? Как бы вы думали? Никогда не догадаетесь! Ни—в жизни!

— Кувшинное рыло! Да-с! Иван Иванович Кувшинное Рыло—любезные товарищи! Конечно, это не тот Кувшинное Рыло, который—помните—у Гоголя? Но совсем другой. Именно, прямой потомок того самого. Любой миргорожанин с тою самою расскажет вам всю родословную Ивана Ивановича и вы, действительно, узнаете, что фамилия Кувшинное Рыло — наследственная и почетная и существует именно в Миргороде. И правнук того, с которого Гоголь писал своего Ивана Ивановича Кувшинное Рыло,—то же Иван Иванович, служит сейчас в Миргородском Финотделе делопроизводителем.

В клубе устраиваются иногда литературные и музыкальные вечера. В таких случаях из себя выходит гармоника и читает Павло Степанович (заведующий миргородской почтой) стихи Тараса Шевченко.

Недавно произошло событие. В Миргород приехал профессор из Полтавы Карнатц. В Миргороде появились афиши:

«Лекция профессора Карнатца — «Интеллигенция в России.» — «Свободная дискуссия».

Дискуссии были действительно свободные, хотя проф. Карнатц и не дочитал своей лекции до конца. Не знаю, верить

ли моему миргородскому чичероне—но говорят, будто в средних рядах партера появилась свинья.

Я нарочно зашел в библиотеку. Добрый человек библиотекарь—все мне рассказал, что читают в Миргороде, да кто читает. Читают вообще мало. Очень мало. Прежде всего—учащиеся, комсомольцы. Немного, правда, их в Миргороде. На втором месте миргородская интеллигенция: совслужащие, бывшие земские врачи, несколько беженцев, волею судеб застрявших в Миргороде. На третьем месте—рабочие. Впро-

чек, о третьем месте, серьезно говорить не приходится. Потому—что-накле же рабочие в Миргороде?

В наибольшем количестве читают беллетристику. 75% всех читаемых в Миргороде книг—беллетристика! Но кто из писателей, на первом месте здесь среди этих 75%? Шеллер-Михайлов! За беллетристикой—довоенные старые журналы. 20% старых журналов. 2%—исторические книги. 1%—точные науки. И неуютно ли—это в 1924 г.!—только 2% занимают книги по общественному, политике, социальным наукам!

А библиотека приличная—15 тысяч томов. По истине,—весь Миргород в этих 75% Шеллера-Михайлова!

Если вы спросите у любого мальчишки миргородского, что самое замечательное в Миргороде—испрененно получите ответ: — Автомобиль.

Хозяин автомобиля—Исполком. Ездят на нем без всякой надобности по деревням. Любопытно, что губернский исполком в Полтаве не имеет автомобиля: «Ни к чему».

А в Миргороде завели!—Сам чорт не брат!

Учитель Марченко заведует миргородским «Дет-будынком» и воспитывает детей, по словам его, в духе «исторического материализма».

Я собирался уже уезжать, когда меня

познакомили с художником Сластионом.

Старичек грустит—меняется старый Миргород!

И Сластион зарисовывает «уходящий миргородский быт». И, прежде всего,—мельницы. Ветряные мельницы—миргородские, каких не строят уже теперь. С резными узорными крыльями. Какой-то необыкновенной фантастической формы ветряные мельницы!

Такие чистенькие рисуночки у Сластиона! Такие аккуратненькие. Они сложены у него в папочке, такой чистенькой, такой аккуратненькой папочке!..

И когда вынимает он их оттуда, руки—его дрожат. От старости или от волнения—не знаю я.

На свете нет вещей, понятных всем людям. Разными глазами смотрим мы на мир и по-разному едим жизнь.

Интересно все-таки, на этом свете, товарищи!

Мирг. р. д.

Эмилий Миндлин.

Красные маневры.

Фот. М. Цылина.

По окончании наводки красноармейцы на плечах уносят мост обратно в казармы.

Тревожная весть.

же с начала июня мес. дождя и Юго-Востога и доноситься тревожные и о засухе. асуха, благодаря случай- дождям, не захватила шь поля, а лизнула язв- небрежно и сравнитель- милостиво. урожай оказался в че- е раза менее по сравне- с 1921 годом. Однако, мерно 500 миллионов пу- хлеба было списано за- ой с приходного баланса ого хозяйства. Около ыли дес. полностью или тью пострадали от засу-

Меры правительства.

относительная крепость его хозяйства позво- правительство значи- но увеличить размеры ощи по сравнению с 1 годом.

Если в 1921 году на ду- населения было израс- ровано в среднем 9 руб. коп., то в этом году по- нениям, которые приняты Комиссией СНК, мы кодуем 15¹/₂ руб. на душу. та помощь уже началась. первым ее результатом лось полное и своевре- нное снабжение поста- ших губерний зерном для ева озимых полей.

Всего по плану, утвер- женному Комиссией СНК, о назначено для раз- и населения в качестве енной ссуды 9 миллионов пудов озимого а.

23-го июля началась отгрузка зерна. Увеличиваясь день ото дня, она мощным по- том залила все наши железные дороги. 12 августа все назначенное к отгрузке количе- было на рельсах. Началась более кропот- вая и затрудненная работа по снабжению семе- ных крестьянских селений в засушливых местах.

Как происходила раздача зерна.

селение было прикреплено к станциям прибытия озов. Точно определили день прибытия зерна. этому времени на станции сотнями ались крестьянские подводы, быстро за- авшие прибывающее зерно и развозившие по селам и деревням. Эта мера позволила

Разгрузка и раздача крестьянам отпущенных правительством семян на ст. Татицево, Саратовской губ. 6 августа 1924 года.

обойтись почти без тары (мешков), которых понадобилось бы огромное количество.

Ссуда беднякам и трудовым хозяйствам.

При распределении семян, которое велось с привлечением всех общественных и партийных организаций деревни, соблюдался полностью классовый принцип.

Общественные запашки в целях образования семенных запасов удовлетворялись зерном в первую очередь.

Далее в первую же очередь снабжалось зерном бедняцкое население, красноармейцы и инвалиды гражданской войны. Наконец, зерно отпускалось и прочему трудовому населению. Минимальным количеством семенной ссуды на одно хозяйство

было 6 пудов, т.-е. количество, потребное для об- семенения одной десятины.

В среднем же на хозяйство приходится 10— 12 пудов зерна.

Результаты помощи.

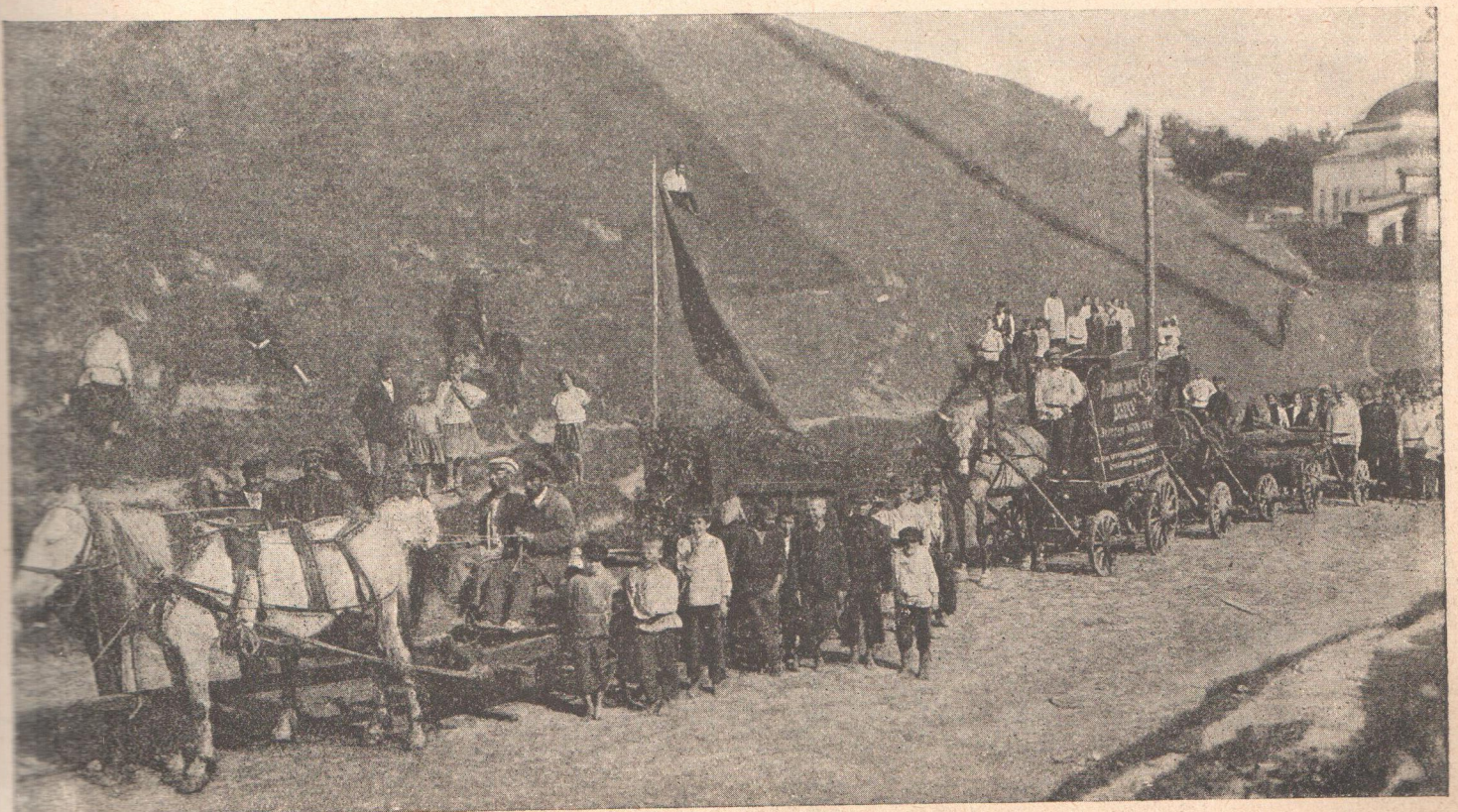
Правительство, выдавая семенную ссуду, счита- тало благоприятным результатом оказываемой помощи, если бы удалось сохранить посевную площадь в размерах 1924 года.

Уже получены известия, что один из самых голодных уездов—Пугачевский расширяет по сравнению с прошлым годом свой осенний посев. Такое расширение достигается и в ряде других мест.

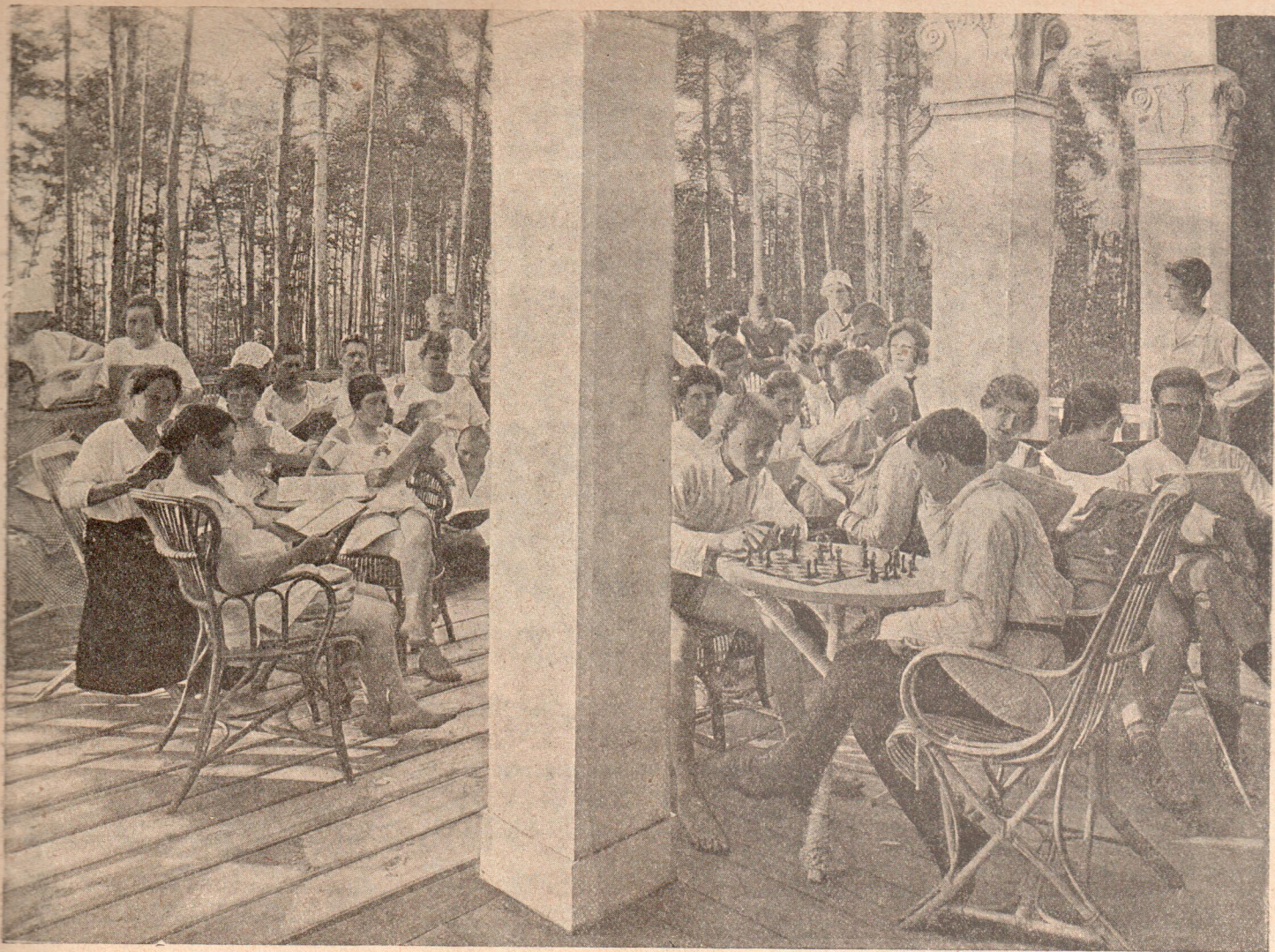
Итог кампании оказался, таким образом, в выс- шей степени благоприятным.

Г о р о д — д е р е в н е .

Фот. Ф. М. Феофанова (Волоколамск).

Служащие уезда. Финотдела г. Волоколамска, взяв шефство над ближайшей деревней Горки, собрали деньги и, купив молотилку, веялку и сорти- ровку, везут их в деревню.

Открытая веранда-читальня на 2-м этаже дома для отдыхающих в Серебряном Бору.

Помощь, а не благотворительность.

В отличие от мер, проведенных в 24 году, настоящая помощь не имеет характера благотворительности. Семенная ссуда будет возвращена крестьянами, когда их хозяйство окрепнет.

Для спасения скота правительство выдает населению 8 миллионную ссуду, которая поможет населению закупить необходимый для скота фураж. Получив ссуду, крестьянин не имеет права продавать скот.

Проектируются в неурожайных губерниях общественно-мелиоративные работы, на которые уже утверждена смета в 14 миллионов рублей. В счет этой сметы на август уже выделено 1.100.000 рублей.

Уничтожим не только последствия, но и причину.

Наши опытные станции в засушливых губерниях показывают, как разумной перестройкой хозяйства и рациональной разработкой земли можно добиться устойчивых урожаев даже во время сильных засух.

Средние урожаи опытных станций в 5 раз выше, чем урожаи на крестьянских землях.

Поэтому наше правительство намечает ряд мер по перестройке всего крестьянского хозяйства в засушливых местах.

Задачей правительства является—продолжить Октябрьскую Революцию, втянуть в нее и крестьянское хозяйство.

Меры, проводимые правительством, вызывают необычайный подъем крестьянского духа.

Агроном Свирцов.

Международная малярийная комиссия в Москве.

Фот. для «Огонька».

Москву посетила международная малярийная комиссия, прибывшая в СССР с целью ознакомления с постановкой лечебного дела в Союзе, вообще, и борьбы с малярией, в частности. Накануне отъезда комиссии из Москвы, в честь ее было устроено в Доме Ученых торжественное заседание, после которого состоялся банкет.

На нашем снимке комиссия изображена в полном составе во дворе института инфекционных заболеваний имени Мечникова перед памятником Мечникову. Среди членов комиссии Наркомздрав тов. Н. Семашко и русские ученые.

Сидят справа налево: д-р Казнев, д-р Друетти (Италия), д-р Чиука (Румыния), д-р Лосся, проф. Вах (СССР), д-р Джемс (Англия), проф. Семашко, д-р Нохт (Германия), проф. Тарасевич (СССР), д-р Питалуга (Испания), д-р Свелленгребель (Голландия), д-р Анигштейн (Польша). Стоят—научные работники Наркомздрава.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

„Огонек“

Цена отд. №—15 коп.

В месяц—50 коп.

Рабочие и работницы, отдыхающие в «Доме отдыха» в Серебряном Бору. Почти весь день обитатели Дома проводят на реке.

У хуторского редактора

Очерк Гр. Rogozовского.

Со школьной скамьи мы помним рассказы: «Вечера на хуторе близ Диканьки»—Н. В. Гоголя. Глубоко запала в впечатлительную душу описанная Гоголем жизнь забитого крепостника-селянина, опаивавшегося помещиком, попом—религиозным дурманом. Знаете ли вы о новой хуторской жизни близ той-же Диканьки?..

Хутор Лозовка... Сверкают всюду трехсаженные глыбы свежеснега... Пегий мерин, тяжело дыша, нырял по глубокому рыхлому снегу, еле-еле волоча за собой сани. Издали, в ночной дали, замелькали два-три огонька... Где-то таянула дворянка. Откуда-то долетел заунывный аккорд украинской песни... Вокруг затянутые в снежные саваны стояли хуторские хатки, глубоко вросшие в снег... Несколько незаметных движений мерина—и наши сани стояли у ворот хуторского редактора селянина Теодосия Зальвадного.

Фот. Е. Хайкина (Полтава).

Редактор газеты тов. Зальвадный.

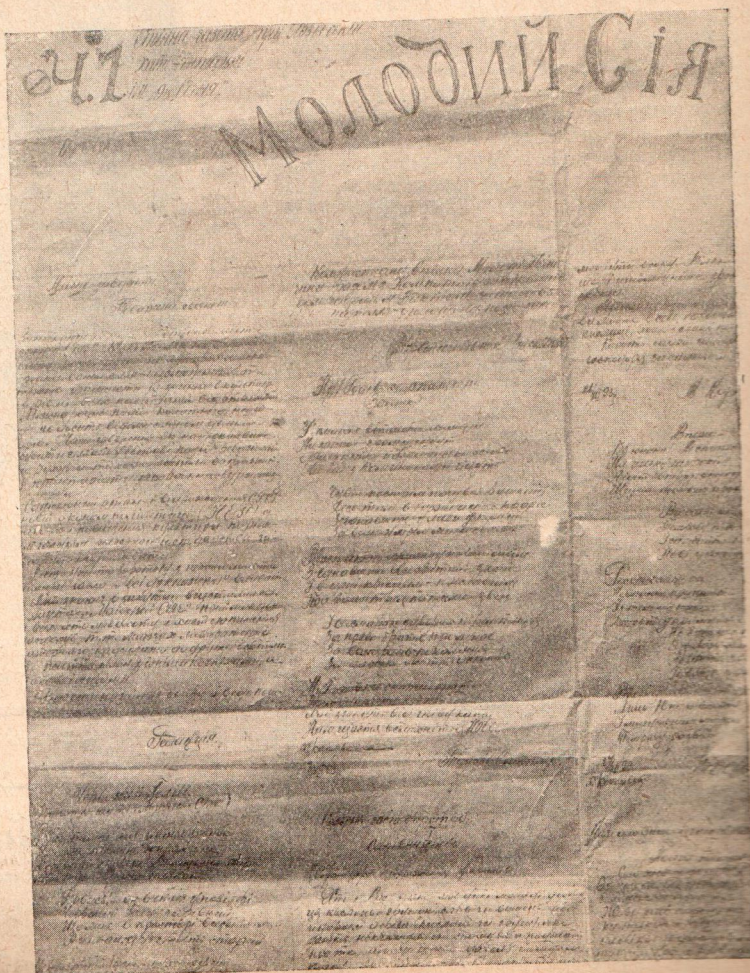
Небольшой дворик, куда мы заехали, был весь заметен снегом... Забывшись под «комору» (амбар) «Жучок», услышав шорох, взбодрачился, завыл. В конце мелькнул «цвиркун» (огарок сального фитиля)... В хатке засуетились... Скоро показалась сонная фигура...

— Що збылись з дороги?..

— Снегом занесло, кажете...
— Я привіз гистя з Полтавы,—послышался ответ возницы. Сидучи приблизилася к саням... Мы узнали друг-друга... Неожиданный приезд обрадовал хуторского редактора.

Крестьянская стенная газета.

Фот. Г. А. Харлиба (Полтава).

Лозовская рукописная стенная газета «Молодой Сеятель».

На могиле Джона Рида.

Фот. С. Тулеса.

Американская писательница Фанни Герст, в лагающая венки на могилу Джона Рида в Москве на Красной площади.

Была снежная буря... Стонал раскинувшийся неподалеку молодой берестяк... Мы сидели в крохотной избенке, с трудом отогреваясь. Об уюте ли думать хуторскому редактору!.. Варистая печь «пил» (место, где спит семья), наскоро сколоченный стол у окна, откуда несло адским холодом— весь «уют» редакторского «кабинета».. Теодось Зальвадный думал о предстоявшем выпуске очередной лозовской рукописной стенной газеты «Молодой Сич» («Молодой Сеятель»), издаваемой Лозовской хатой-читальней... На столе лежали большого формата листы рукописной газеты, вычурно переписанные. «Молодой Сеятель» фиксировал жизнь Лозовского участка. Тут говорилось о наиболее выгодном поведении, садоводстве, пчеловодстве, огородничестве, поясняя все на доступном селянину языке. Нещадно бичевалась тьма народная, доставалось самогонщикам, кулакам, поощрялась самоинициатива. Тут же бытовой рассказ, поэзия... Мы читали один за одним листы и убеждались в пользе такой хуторской газеты, которая приходит на помощь селянину в его повседневной жизни.

Утро... На дворе сверкали серебристые полосы вновь выпавшего снега. Вокруг стояла тишь. В хате хуторского редактора начался прием посетителей. Сюда пришли: редакционная коллегия, сотрудники. Редакция готовила к выпуску очередной номер. Праздничный день сулил большую аудиторию, и коллегия спешила закончить выпуск. Кипела работа. Мы оставили редакторский «кабинет», направились в лозовскую хату-читальню. Широкая школьная комната была заполнена хуторянами, приготовившимися послушать «новину» (новости). У белых стен, где висели листы хуторской газеты, толпились селяне, вычитывая новинку, делясь тут же впечатлениями. Было заметно, как аудитория реа-

гирует на ту или другую заметку... В хату-читальню быстро пронеслась молва о приезде редактора (селяне, обычно, называют работников печати—«редакторами»)... Интерес селянской аудитории усилился. Послушать «новину» из уст губернского редактора—стало заманчивым делом для хуторян. Аудитория росла. Рос интерес к редактору. Завязалась живая, кипучая беседа. Говорили деловито, толково. Расспрашивали, разъясняли, удовлетворялись.

— «Вы у нас перша людина, що мы з вами несуперичима (не спорим)»—говорили нам хозяйственные середняки.

— «Побільше на'силать таких людей и полуда (темень) спаде з очей и селянину стане виднише»,—поддерживали середняков «комнезамики» (беднота)...

Близился момент чтения стенной газеты... Вдруг, со всех концов послышалось:

— «Несуть, несуть»

Оказалось, редакционная коллегия несла стенную газету в хату-читальню. Аудитория засуетилась, заерзала... Поспешно селяне разместились по местам, успокоились... Объявляется чтение стенной Лозовской газеты «Молодой Сеятель»... Слово для приветствия редакционной коллегии, предоставляется представителю Полтавской печатной газеты «Червоне Село» («Красное Село»)... Тут же от имени редакции передается библиотека для хуторской редакции и хаты-читальни... Устанавливается тесная связь между хуторской рукописной и городской печатной газетами. Закрепляется связь между читателями рукописной и печатной газеты.

Гр. Рогозовский.

Москва - Лондон в 20 часов

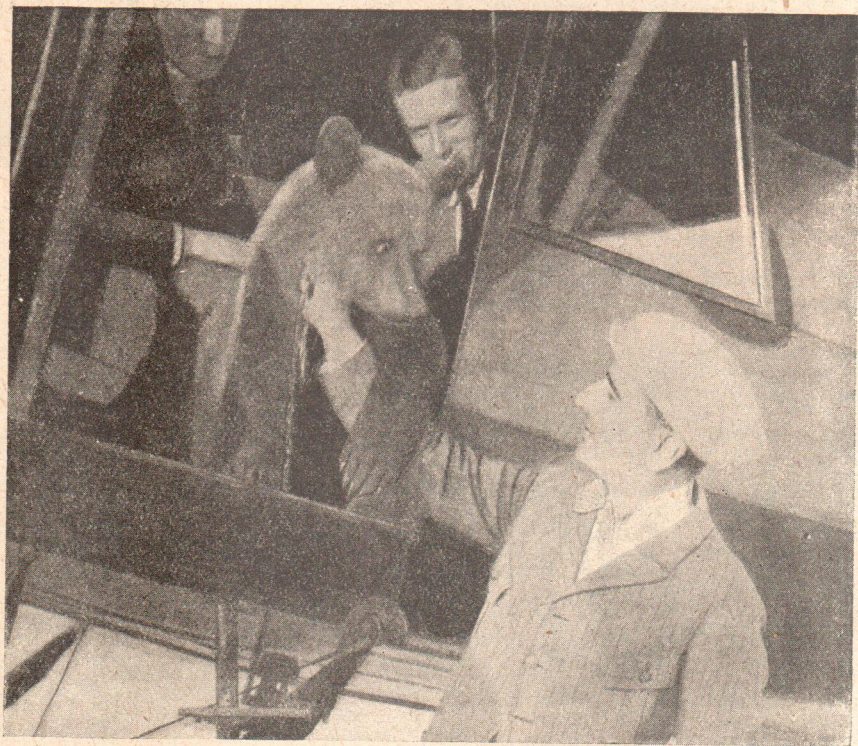

Справа: Директор германского об-ва Аэро-Ллойд, организующего воздушный путь Москва—Лондон и слева: председатель Дерулюфта тов. Давидов.

Голубки: в номере 35 (74) «Огонька» и обложке ошибочно назван автором скульптур технического сотрудник скульптора. В том же номере под отрывком из повести К. Ойшеник «На Кузькиной даче» по недомотру поставлен «окончание следует».

Медведь на аэроплане.

Фот. С. Красинского.

20-го августа Обществом «Дерулюфт» был отправлен на аэроплане из Москвы в Берлин для Берлинского зоологического сада медвежонок.

До настоящего времени был зарегистрирован только один случай воздушного путешествия животного. В прошлом году была отправлена из Парижа в Лондон лошадь для участия в скачках.

Медвежонок во все время перелета был совершенно спокоен.. Длительное воздушное путешествие на нем не отразилось.

Издаем «Мосполиграф»

Редактор Мих Кольцов

**КОНЕЦ. ВСЕ ЯСНО:
НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ ПОНАПРАСНО,**

**НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ В БЕГОТНЕ,—
ЗДЕСЬ ВСЕ КУПЛЮ, ЧТО НУЖНО МНЕ.**